

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47).084.8+084.122

НАУЧНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОФЕССОРА ЛОСЕВА: ШПИОНОМАНИЯ В СОВЕТСКОМ ПОСЛЕВОЕННОМ ИГРОВОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ¹

Е. А. Долгова

Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Россия

DOI: 10.26456/vthistory/2020.4.085

В статье анализируется трансформация сюжета шпиономании в советских игровых кинокартинах о быте советских учёных конца 1940-х – начала 1950-х гг. Кинематограф этого времени внимателен к фигуре ученого: картины, посвященные героическим биографиям или научной повседневности, отражали статус науки в обществе, повседневность научных работников. Автор анализирует мифологию современного кинолентам общества, реконструирует представления власти об идеальном типе взаимоотношений ученого и государства. Делается вывод о том, что роль учёного в кинематографе тех лет специфична – с одной стороны, его образ часто приобретал черты нравственной максимы, с другой – оказывался в фокусе шпиономании. Мотив шпиономании, отрицание «низкопоклонства перед Западом» и космополитизма – специфичные черты кинематографа тех лет, нашедшие отражение и в конкретных исторических событиях – например, предвоенной дескредитирующей компании против Н. Н. Лузина, послевоенном деле «КР». В основу работы с аудиовизуальными источниками положен метод поэтапного структурированного наблюдения.

Ключевые слова: кинематограф, учёные, повседневность, шпиономания, космополитизм, этос науки.

Советский игровой кинематограф конца 1940-х – начала 1950-х гг. внимателен к фигуре учёного. Картины, посвящённые героическим биографиям или научной повседневности, конструировали образ советской науки в обществе, ставили целью доказать её приоритет перед зарубежной и формировали отношение к ней как к важной составной части государственного престижа. Анализ советских фильмов об учёных даёт возможность реконструировать представления власти об идеальном типе взаимо-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-78-10095.

отношений учёного и государства²: они содержат актуальный запрос на образцы поведения и этические максимы.

Одним из ключевых сюжетов, заостренных в кинематографе тех лет, было взаимодействие учёного с зарубежным научным сообществом не только в плане личной коммуникации, но и в возможности научного присутствия за рубежом – публикации статей в иностранных изданиях, участие в зарубежных конгрессах и свободе академического перемещения. Помещённый в ракурс шпиономании (именно учёные были носителями ценных идей и авторами значимых изобретений) этот сюжет, однозначно решённый в кинематографе 1930-х гг. («Альбидум», 1928, реж. В. Оболенский, «В город входить нельзя», 1929, реж. Ю. Желябужский, «Человек с портфелем», 1929, реж. Чеслав Сабинский, 1929, «Высокая награда», 1939, реж. Е. Шнейдер и др.), был вновь актуализирован после Второй мировой войны в рамках кампании против космополитизма. Исследователи отмечают, что по содержанию кинематографические образы учёных конца 1940-х гг. мало чем отличались от образцов, появившихся в 1930-е гг.³ Однако появилось и новое художественное наполнение «старого» и, казалось бы, однозначно трактуемого сюжета.

В послевоенном кинематографе мотив шпиономании усложняется: вместо простой декларации классовой бдительности и важности сотрудничества учёного с органами госбезопасности («Высокая награда») на первое место выдвигается этическая ответственность учёного за научное открытие и его патриотический характер, за доступность научного знания для читателя и его приоритетную публикацию в национальных научных изданиях и на национальном языке. Истоки этой тенденции крылись ещё в довоенном деле академика Н. Н. Лузина (1936). Одно из обвинений, предъявленных знаменитому математику в дискредитирующей статье «О врагах в советской маске», заключалось в публикации важнейших научных результатов на Западе, а второстепенных – в советских изданиях⁴. В другой критической статье «Традиции раболепия» отмечалась важность воспитания патриотизма советских учёных, которые не должны были рассматривать советскую науку как отдельную (притом отсталую) провинцию мировой, но смотреть на нее как на авангард передовой науки своего времени⁵. Одним из следствий критики Н. Н. Лузина стало символическое закрепление утра-

---

² Теплинский О.В. Научная интеллигенция в советском кинематографе: основные тенденции репрезентации: автореф. дис. ... к.и.н. Краснодар, 2006. С. 10.

Teplinskij O.V., *Nauchnaya intelligenciya v sovetskom kinematografe: osnovnye tendencii reprezentacii*, Avtoref. dis. ... k.i.n., Krasnodar, 2006, S. 10.

³ Зудина А.А. Наука и образ ученого в советском кино (1928–1986) // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 171.

Zudina A.A., *Nauka i obraz uchenogo v sovetskom kino (1928–1986)*, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, № 5, S. 171.

⁴ [Кольман Э.] О врагах в советской маске // *Правда*. 1936. 3 июля.

[Kol'man E.] *O vragah v sovetskoj maske*, *Pravda*, 1936, 3 iyulya.

⁵ Традиции раболепия // *Правда*. 1936. 9 июля.

Tradicii rabolepiya, *Pravda*, 1936, 9 iyulya.

ты публикацией на иностранном языке своей престижной функции. Уже 13 июля 1936 г. «осознавший» свою вину Н. Н. Лузин прямо заявил: «Теперь обращаться к Западу для печатания той или иной статьи не нужно. Если же у нас та или иная статья не печатается, то, значит, для этого имеется чисто научное основание»⁶. Спустя 12 лет эту мысль на широком экране перефразирует персонаж кинофильма профессор Верейский (акт. Борис Чирков) на общественном «суде чести», организованном для осуждения передачи рукописи его коллег, профессоров Лосева (акт. Николай Свободин) и Добротворского (акт. Николай Анненков), для публикации за рубежом. Перед главным героем встает драматический выбор – как отнестись к их поступку?

Между двумя точками – Вторая мировая война, поставившая как актуальную задачу возобновление международных контактов советских ученых и, по словам Н.Л. Кременцова, заставившая поверить в новую идеологию государственной научной политики – концепцию «единой мировой науки, заменившей собой представление о двух отдельных, противостоящих друг другу науках – советской и западной, буржуазной и пролетарской»⁷. Однако начало холодной войны вернуло в науку некоторые установки 1930-х гг., а именно шпиономанию – она реализовывалась не только в страхе заимствования, но и в гонке технологий – внимании к приоритету в открытиях и изобретениях. Эта тенденция нашла отражение и в кинематографе. Учёные, ищущие «благосклонности» западной науки, готовые ради этого передавать советские открытия за границу, безусловно, являются «чужими»⁸: это Карташов из фильма «Мичурин» (1948 г., реж. А. Довженко), Званцев и эмигрант Петрищев («Академик Иван Павлов», 1949, реж. Г. Рошаль), доктор Рождественский («Во имя жизни», 1946, реж. И. Хейфиц и А. Зархи), Милягин («Великая сила», 1949, реж. Ф.М. Эрмлер). Эти персонажи отрицательны: они идут в науку не ради служения истине, а ради карьеры, относятся к ней как к источнику материальных благ. Они в корыстных целях крадут письма, рукописи, пользуются результатами чужих научных открытий, ищут «выходы» на зарубежную науку ради признания за рубежом и тайно мечтают об эмиграции.

Таков и образ профессора Лосева, одного из главных героев кинофильма «Суд чести». Картина режиссера А. Роома, вышедшая на экраны в 1949 г., вызвала значительный резонанс – в силу того, что в основе её лежала громкая пропагандистская кампания лета 1947 г. и восстановление

---

⁶ Цит. по: Демидов С.С., Есаков В.Д. «Дело академика Н.Н. Лузина» в коллективной памяти научного сообщества // Дело академика Николая Николаевича Лузина / отв. ред. С. С. Демидов, Б.В. Левшин. СПб., 1999. С. 43.

Demidov S.S., Esakov V.D., «*Delo akademika N.N. Luzina*» v kollektivnoj pamjati nauchnogo soobshchestva. In: Delo akademika Nikolaja Nikolaevicha Luzina, SPb., 1999, S. 43.

⁷ Кременцов Н.Л. На пороге «Холодной войны»: дело КР // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М., 1995. С. 273–274.

Krementsov N.L., Na poroge «*Holodnoj vojny*»: delo KR, In memoriam: Istoricheskij sbornik pamjati F.F. Perchenka, M., SPb., 1995, S. 273–274.

⁸ Теплинский О.В. Указ. соч. С. 17.

Teplinskij O.V., *Op. cit.*, s. 17.

практики «судов чести»⁹ вследствие знаменитого «Дела КР». Непосредственным поводом для этих событий стала передача за рубеж в рамках рабочей поездки академика секретаря Академии медицинских наук (далее АМН) В. В. Парина рукописи неопубликованной в СССР монографии двух учёных – члена-корреспондента АМН Нины Георгиевны Ключевой (1898–1971) и профессора Московского государственного университета Георгия Иосифовича Роскина (1892–1964) о вакцине против рака, а также нескольких образцов вакцины¹⁰. Эти события стали поводом для написания пьес Константина Симонова «Чужая тень» и Александра Штейна «Закон чести». На основе последней и был поставлен фильм «Суд чести»¹¹.

В картине примечательна повседневность главного героя – академика Андрея Ивановича Верейского. Советская власть предоставила ему необходимые условия для научной работы, постоянно оказывает помощь и поддержку. У него – просторная квартира в жилом доме, соединённом плавным переходом со зданием Президиума Академии Наук СССР. Выдающийся военный хирург, генерал-лейтенант медицинской службы, Герой Соцтруда, академик за завтраком привычно просматривает утренние газеты: в числе прочей прессы – американский журнал «Life». Именно из журнала Верейский узнаёт о том, что во время научной командировки в США советский профессор Лосев презентовал новое обезболивающее лекарство. Проблема заключается в том, что за рубежом препарат продемонстрирован ранее, чем в СССР. И о презентации не знает директор НИИ экспериментальной медицины, старый друг Верейского профессор Алексей Алексеевич Добротворский. Однако этот конфликт, легко разрешимый в довоенном кинематографе, в конце 1940-х приобретает неожиданную драматичность. Для нас важна дискуссионность и аргументированность позиций, которые защищают главные персонажи – Верейский, Добротворский и Лосев.

Персонаж профессора Добротворского привлекателен – его отличает благородная внешность, прекрасные манеры, мягкая культурная речь. Именно он формулирует тезис в защиту «единой мировой науки»: «*Вы хотите подтвердить клевету Черчилля о железном занавесе... Речь идёт о союзе с*

---

⁹ Подробнее о «судах чести»: Бригадина О.В. Суды чести над советской номенклатурой // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 9. / редкол.: А.П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2014. С. 95–100.

Brigadina O.V., *Sudy chesti nad sovetsoj nomenklaturaj*, Rossijskie i slavyanskije issledovaniya, Вып. 9, Minsk, 2014, S. 95–100.

¹⁰ Подробнее см.: Кременцов Н.Л. Указ. соч.; *Его же*. В поисках лекарства против рака: Дело КР. СПб., 2004.

Krementsov N.L. *Na poroge «Holodnoj vojny»: delo KR*, In memoriam: Istoricheskij sbornik pamjati F.F. Perčenka, M., SPb., 1995, s. 272–291; Krementsov N.L., *V poiskah lekarstva protiv raka: Delo KR*, SPb., 2004.

¹¹ Докладная записка агитпропа ЦК М.А. Суслову о недостатках киносценария А.П. Штейна «Суд чести» 20 февраля 1948 г. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69378> (Дата обращения – 28.07.2020)

Dokladnaya zapiska agitpropa SK M.A. Suslovu o nedostatках kinoscenariya A.P. SHtejna «Sud chesti» 20 fevralya 1948 g. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69378> (Data obrashcheniya – 28.07.2020)

мировой наукой. И если слово в науке сказано, так неважно, на каком языке оно сказано»¹².

Ему противостоят другие высказывания: «... сначала у нас напечатайте... Там за границей воров много»¹³, «Вы с Лобачевского пример берите! Казанский житель, он спервоначалу свою статью в Казани напечатал, а потом ее на двенадцать языков перевели»¹⁴. «Ценю и уважаю Джорджа и Лотара... Воздаю должное их таланту. Но я читал их по-английски, позволю заметить, не дожидаясь перевода», – восклицает академик Верейский. – «Да-с, по-английски! Пусть же и они возымеют честь изучить русский»¹⁵.

Однако если персонаж профессора Добротворского вызывает симпатию, а позиция его представляется даже в какой-то степени созвучной универсальным научным принципам, почти синхронно в работе «Нормативная структура науки» (1942) объединённых классиком социологии науки Р. К. Мертоном в особый «этнос» научного сообщества, то его коллега профессор Лосев – отрицательный персонаж. Он беспринципен, в основе его действий не убеждения, а карьерные устремления: в тайне от Добротворского Лосев снимает копию их совместной рукописи, которая ещё не опубликована в СССР, и, находясь в США, передаёт её американским учёным, чтобы закрепить свой приоритет в открытии. Для него не важны этические убеждения, значим только приоритет интеллектуальной собственности и его право на неё: «... нашим трудом мы будем распоряжаться сами, не спрашивая разрешения у профессора Верейского»¹⁶, «... отнять наши права на него, вот что им надо, отнять и передать куда-нибудь... в Казань»¹⁷. Степень его «свободы» высока: такого осознания её нет даже у западных учёных, посетивших секретную лабораторию. Американский профессор Картер «с сожалением» отказывается рассказать о своих открытиях: все его секреты принадлежат фирме, на которую он работает. Сам визит показателен: американцы – не исследователи, а шпионы, пытающиеся льстивыми похвалами выведать секреты у жаждущих их одобрения сотрудников. Их останавливает бдительная доцент Ольга Верейская (дочь профессора). Однако инцидент с разбитым градусником и приходом в лабораторию представителей партбюро вызывает возмущение Добротворского и Лосева. В их жалобе заместителю министра Курчатову звучит упрёк в

¹² Суд чести: [Видеозапись]. 0:17 мин, 0:18 мин.

Sud Chesti: [Video], 0:17 min, 0:18 min.

¹³ Там же.

Ibidem.

¹⁴ Там же.

Ibidem.

¹⁵ Там же.

Ibidem.

¹⁶ Там же. 0:19 мин.

Idem, 0:19 min

¹⁷ Там же. 0:23 мин.

Idem, 0:23 min

препятствии научным контактам и повышению авторитета советской науки за рубежом.

Наконец, примечательна и неожиданна позиция председателя правительственной комиссии, выведенного под именем Александра Александровича: «... я вот за то, чтобы нашим ученым обязательно печататься в иностранных журналах – только знать, в каких... и за то, чтобы наука наша не ведала географических границ. И это золотое время не за горами»¹⁸. Он произносит эту фразу в споре-дискуссии с Верейским. А далее в его речи звучит: «... можно вообразить вашу Академию в виде стеклянной башни, куда не проникает дух времени, но, спрашивается, кому нужна такая башня»¹⁹. Решение судеб героев отдаётся на суд импровизированного общественного «суда чести», имеющего полномочия вынести общественное порицание или общественный выговор, а также передать дело следственным органам. Суд, общественным обвинителем на котором выступает лучший друг Добротворского академик Верейский, показателен, а монолог учёного – ключевой в фильме.

И хотя спор, который ведут персонажи фильма, завершается однозначной нравственной победой Андрея Николаевича Верейского (подтверждённой разоблачением американских шпионов), далеко не все транслируемые в фильме смыслы декларативны. Фильм дискуссионен именно фиксацией настроений, неоднозначностью и уверенностью аргументации каждого из персонажей. Напряжённая бинарная оппозиция «мировой» и «национальной» науки, хотя и разрешается в фильме в пользу патриотизма (важной черты конструируемого образа учёного в исследуемый период), остается вибрирующей и открытой к трактовкам. Тесное переплетение мотива шпиомании, отрицание «низкопоклонства перед Западом» и неприятие космополитизма, безусловно, специфичная черта кинематографа тех лет, нашедшая отражение и в конкретных исторических событиях – предвоенной компании против Н. Н. Лузина, послевоенном деле «КР». Однако фраза «золотое время не за горами» повисает в воздухе, нюансируя декодировку мифологии современного кинолентам общества.

Список литературы:

1. Бригадина О.В. Суды чести над советской номенклатурой // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 9. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2014. С. 95–100.
2. Демидов С.С., Есаков В.Д. «Дело академика Н.Н. Лузина» в коллективной памяти научного сообщества // Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С.С. Демидов, Б.В. Левшин. СПб.: РХГИ, 1999. С. 9–51.

---

¹⁸ Суд чести: [Видеозапись]. 1 час: 03 мин.

Sud Chesti: [Video], 1:03 min

¹⁹ Там же. 1:04 мин – 1:05 мин.

Idem, 1:04 min – 1:05 min

3. Зудина А.А. Наука и образ ученого в советском кино (1928–1986) // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 167–176.
4. Кременцов Н.Л. На пороге «Холодной войны»: дело КР // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 272–291.
5. Кременцов Н.Л. В поисках лекарства против рака: Дело КР. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. акад., 2004. 326 с.
6. Теплинский О.В. Научная интеллигенция в советском кинематографе: основные тенденции репрезентации: автореф. дис. ... к.и.н. Краснодар, 2006. 24 с.
7. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. / Отв. ред. Петрова Н.К. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.
8. Штейн А. Суд чести // Избранные сценарии советского кино: в 6 тт. / Ред. колл. В. Кожевников, Г. Мдивани, М. Смирнова, М. Чиаурели, А. Штейн. М.: Госкиноиздат, 1951. Т. 5.

Об авторе:

ДОЛГОВА Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр междисциплинарных гуманитарных исследований, Российский государственный гуманитарный университет, (Россия, Москва, Миусская пл., д. 6), e-mail: medievalis@list.ru

PROFESSOR LOSEV'S EVERYDAY LIFE: ESPIONAGE IN SOVIET POST-WAR CINEMA

Evgeniya A. Dolgova

Russian State University for the Humanities

The article aims to study the plot of espionage in Soviet films about the life of Soviet scientists in the late 1940s-early 1950s. The Cinema of this time is attentive to the figure of a scientist: the films are dedicated to heroic biographies or scientific everyday life, they reflected the status of science in society. The author analyzes the mythology of films, reconstructs the authorities' ideas about the ideal type of relationship between the scientist and the state. It is concluded that the role of the scientist in the cinema of those years is specific – on the one hand, his image often acquired the features of a moral maxim, on the other – was in the focus of espionage. The close intertwining of the spy motif, the negation of "admiration for the West" and cosmopolitanism – specific feature of the cinema of those years, as reflected in specific historical events – for example, the defamatory campaign against Nikolay N. Luzin, post-war case "KR". The audio-visual sources were analyzed with the method of step-by-step structured observation.

Keywords: *cinema, academics, daily, spy, cosmopolitan, ethos of science.*

About the author:

DOLGOVA Evgeniya Andreevna – PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, (Russia, Miuskaya sq., 6), e-mail: medievalis@list.ru

References

- Brigadina O.V. *Sudy chesti nad sovetskoj nomenklaturoj*, In: Rossijskie i slavyanskije issledovaniya, vyp. 9, Minsk, BGU, 2014, S. 95–100.
- Demidov S.S., Esakov V.D. «*Delo akademika N.N. Luzina*» v kollektivnoj pamyati nauchnogo soobshchestva, Delo akademika Nikolaya Nikolaevicha Luzina, SPb., RHGI, 1999, S. 9–51.
- Fateev A.V. *Obraz vraga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg.*, M., IRI RAN, 1999, 261 s.
- Krementsov N.L. *Na poroge «Holodnoj vojny»: delo KR*, In memoriam: Istoricheskij sbornik pamyati F.F. Perchenka, M., SPb., Feniks, Atheneum, 1995, S. 272–291.
- Krementsov N.L., *V poiskah lekarstva protiv raka: Delo KR*, SPb., Izd-vo Rus. Hrist. gumanitar. akad., 2004. 326 s.
- Teplinskij O.V., *Nauchnaya intelligenciya v sovetskom kinematografe: osnovnye tendencii reprezentacii*, Avtoref. dis. ... k.i.n., Krasnodar, 2006. 24 s.
- Zudina A.A., *Nauka i obraz uchenogo v sovetskom kino (1928–1986)*, Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2011, № 5, S. 167–176.
- Shtejn A., *Sud chesti. In: Izbrannye scenarii sovetskogo kino*, v 6 vol., M., Goskinoizdat, 1951, Vol. 5.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020 г.